

Мустай Карим,
писатель,
Герой Социалистического Труда

Путь, ставший судьбой

Ты на земле живешь прочно и раскованно от высокого чувства, что ты, твой дом, твой родимый край — это частица, живая доля могучей и прекрасной Родины, что в ее полете в грядущее — полет и твоей души, что тяжесть ее падает и на твои плечи, ее свет освещает и тебя, и твой дом, и твой родимый край. Об этом я помню и в будни, и в праздники. Думая о неизбежности нашего Великого Союза Народов, я в своих ладонях ощущаю тепло далеких рукопожатий людей разных племен и наречий, тепло, вопреки стуже веков перешедшее из поколений в поколения, чтобы стать Дружбой, Братством, Любовью.

Судьбу невозможно выбирать. Выбирают путь, который потом становится судьбой. Так случилось 425 лет назад с башкирскими племенами, обитавшими на суровых просторах Южного Урала от Ика до Яика. И в летний зной, и в зимнюю стужу совершали туда опустошительные набеги три ханства с трех сторон, чтобы разделить земли и жизнь башкир на три больших куска. То было время смятения и роковой неприкаянности моих далеких предков.

Перед нами лежало много дорог, которые непременно привели бы их к историческому исчезновению. Лишь одна дорога вела к спасению — дорога к Москве. Они, возможно, не столько предвидели, сколько предчувствовали свой будущий удел. Проявив душевную прозорливость,

вняли они жалованной грамоте русского царя, который вопреки «мудрым советам» иных московских бояр покорить башкир силою оружия и устрашением изъявил добрую волю принять их под свое покровительство — без насилия. Весть о мирной грамоте Ивана IV, подписанной после немилосердного сокрушения им Казани, летела, опережая посланников, и обошла весь башкирский край.

В сильном, надежном покровителе нуждались все — и баи, и бедняки. У имущих под постоянной угрозой находилось богатство, у неимущих — жизнь. Поэтому на родовых сборах-йыйынах весть ту приняли с радостью и надеждой. С 1554 по 1557 год разные племена в разное время снаряжали своих послов в Казань к наместнику белого царя. Это были, говоря современным языком, не просто пламенные энтузиасты или бездумные выскочки, а самые уважаемые, мудрые, отважные представители родов — их вожди и батыры. Письменные предания-шежере сохранили нам их имена, описание их помыслов и поступков. Одним из самых видных проводников идеи присоединения к России, расудительный и последовательный Титигасбий в шежере под названием «О подданстве белому царю» оставил такую запись: «После того, как послыльные ездили и известили (о грамоте.— М. К.) в 961 году, я, Титигас, взяв с собой представителей трех родов, с Азнаем, Ильчек-

темиром, Карамышем вместе ходили в Казань, где приклонили голову белому царю». Так говорит он о свершении желанного акта присоединения своих родов к России.

Мне порою сдается, что история любого народа складывается из его сбывшихся и несбывшихся надежд, из его поступков, оправданных и неоправданных ходом времени. Надежда тех моих сородичей сбылась, их поступки оправданы и возведены столетиями в степень незыблемой истины. Сознание того, что они мыслили и делали и за тебя, за своих далеких потомков, делает различимыми их лица, слышными их голоса, зримыми их шаги. Лишь неправые дела предков отделяют их от потомков.

В лютой январь 1555 года на тяжелых лыжах по безбрежному снежному морю идет посольство минских башкир во главе с вождем своим, могучим Канзафар-бийем. Все устали, до крайности измождены, но никто не смотрит назад. Дорога измеряется не тем, что уже пройдено, но тем, что еще нужно пройти. Летом того же года по выжженной степи скачут посланники четырех юго-восточных племен, их ведет 37-летний Шагали-бий, сын Шакмана, оставивший о себе славу искусного воина и дипломата.

Годы тогда были недобрые — то мор, то безводье. «Прорицатели» предвещали конец света, сеяли смуту. На пути к России преградами легли не только морозные пространства и знойные дали, не только разбойничьи налеты со всех сторон, но и религиозные предрассудки, мусульманская косность. То было время великого преодоления. И преодоление это свершилось. Ибо жажда жизни у людей и вера в нее оказались сильнее страха.

Из моих соплеменников они стали первыми россиянами, навеки завещав потомкам это высокое звание. И тогда и после находились забредшие откуда-то или доморощенные сумасброды и одержимые бредовыми идеями маньяки, которые протягивали руку к живой ветви, пытаясь оторвать ее от векового дуба. Но эти потуги всегда оставались тщетными. Башкирия так приросла к великой державе, что не было и нет силы, способной не то чтобы оторвать, но даже поколебать ее. Последнего из авантюристов, мечтавших о троне в изобилующем башкирском ханстве, я встретил семнадцать лет назад в Стамбуле. Его звали Заки Валиди. В 1919 году он втянул в авантюру национальные формирования, стремясь оторгнуть Башкирию от революционной России. Войска эти, разгадав обман, перешли на сторону красных, несостоявшийся хан бежал в Туркестан к басмачам, потом очутился в Турции, долго обивал порог гитлеровского предбанника, но

даже туда его не пустили — слишком потрепан и измызган. При разговоре со мной этот человек все время старался прятать глаза, выцветшие, зеленые, вкрадливо-мстительные. Он ничего не спрашивал о своей бывшей родине, которую много лет подряд обливал грязью, хотя знал, что она процветает. На прощание он просил меня прислать пластинки с записями старинных башкирских песен и мелодий. На старости лет решил «хан» услаждать свой притупившийся слух родными мотивами. Обойдется, подумал я. Не для таких берег народ свою пленительную песню, свою певучую речь.

Та песня могла бы оборваться еще четыре века назад, могла бы замолкнуть та речь навсегда, не прозвучи тогда два вещи слова: «Навеки вместе!» Вдуматься только в их смысл: они означают и бессмертие, и дружбу.

Бывают на историческом пути народа высоты, откуда берет он новое жизненное начало, ведет новый отсчет времени. Для судеб башкир такой высотой явилось великое Присоединение, начало широкого общения с сопредельными народами, ставшими со временем соседями по костру, к кому в любой миг можно пойти за горящим углем, если гаснет твой огонь. Сама Русь собирала всех к своему большому очагу.

Свершилось чудо: будто взял кто-то разрозненные роды и племена, как рассыпанные по земле зерна, и собрал в одну большую горсть, и сложил из них одну народность. К народности этой пришло общенациональное самосознание, чувство всенародной ответственности перед лицом того, кто принял ее под свой стяг, под свою защиту. Тогда хотя и не возникла государственность башкир, но состоялось межплеменное единение, возникло понятие Башкирии не только как территории, но и как социально-духовной общности. Нашедшие покровительство у России стали ее же защитниками, Русскому государству было теперь на кого надеяться, на кого опереться в защите своих восточных рубежей.

Воинская отвага и сноровка сынов Башкирии, их стойкость и преданность всегда принадлежали России. Тридцать полков национальной конницы пронесли свои знамена по полям Отечественной войны 1812 года до самой французской столицы.

Чем беспощаднее становилось самодержавие по отношению к своим подданным, тем теснее и доверчивее льнули народы и люди друг к другу. Стон русского мужика слышал башкирский скотовод, боль чуваша чувствовал татарин. Поэтому, когда поднял Емельян Пугачев русских крестьян на отчаянный, обречен-

ный на поражение, но справедливый бой, башкир Салават Юлаев без колебаний привел своих всадников в стан врагов.

В крови и пепле были потоплены надежды повстанцев, попраны темной силой, преданы позору святые имена вождей и мучеников, но окровавленная Правда, сестра Свободы, осталась жить и дождалась дня своего торжества. Тот день наступил в Октябре 1917 года. Тогда состоялся главный и окончательный выбор исторического пути, единственно верного.

И пробил звездный час Башкирии. В марте 1919 года по ленинскому декрету она первая в РСФСР получила советскую автономию, обрела государственность, стала республикой. Когда Ильич подписывал ту бессрочную охранную грамоту народам башкирской земли, он, может быть, вспомнил Уфу последнего года минувшего столетия, смуглое худое лицо мальчика из степного аула. Ильичу тогда было всего тридцать лет, полеты через опасные грозы были еще впереди. В два своих приезда в Уфу он зажег будущую «Искру». Какие преданные своему делу революционеры, какие изумительные люди окружали его тогда... На мгновение остановив взор на кончике пера, он, наверное, вспомнил об этом. Наверное...

Мне суждено было родиться в том благодатном году. Когда я впервые ступил на землю, она уже была теплой, свободной. Я шел по жизни, и жизнь моей республики шла перед моими глазами, через меня проходили ее победы, ликования, тревоги и печали. Республика строила, преобразуя свой облик и духовную суть своих людей. Открывая сокровища в глубинных тайниках земли, она открыла выход накопившейся веками творческой энергии народа, вылившейся в книги, симфонии, живописные полотна, научные теории. Нам стали доступны

великие творения человечества. Открылась дорога, по которой мы могли нести свои дары другим народам.

У нас нынче праздник братства, нет его прекрасней, радость нашу делят все наши друзья. Мы 425 лет вместе, и будет так всегда! Иду по земле и радуюсь, что нет в моей четырехмиллионной республике, в моей 270-миллионной державе ни одного голодающего ребенка, ни одного лишенного книги ребенка. Нет!

Истинная дружба не нуждается в частых клятвах, но ее надобно беречь, постоянно согревая и осеняя светом и теплом душ, крепить добром помыслов и дел. Одна скандинавская поговорка гласит: слова любви, сказанные друг другу каждый день, делают дом счастливым. Ради счастья нашего большого Советского Дома мы говорим друг другу слова любви и признательности и не устанем их повторять. И прежде всего мы обращаем слова эти к светлому гению русского народа, к благородству и величю его духа, щедрому его сердцу, в котором радость за друзей смешана с состраданием. Сколько сокровенного отдавал русский народ другим, сколько боли несла его душа за других!

Еще в начале века наш народный поэт Мажит Гафури писал:

Честь и слава России — могучей стране,
 Чье дыханье я слышу в ночной тишине,
 Где слова разыскать, чтоб о ней рас-
 сказать,
 Чтоб достойною песней воспеть ее мне!

Наследники поэта достойно воспели ее. Создали романы, песни, поэмы, воплотившие великую идею единения. На холме над Белой в столице республики величаво возвышается Монумент Дружбы, прочно связывающий три времени — прошлое, настоящее и грядущее, зримо воплощая память, дело, надежды.